

ЭО, 2009 г., № 5

© **Н.В. Шлыгина**. Рец. на: *Inkeriläisiä siirtämässä. Jussi ja Liisa Tenkku päiväkirjat 1943–1944* [Эвакуируя ингерманландцев: дневники Юсси и Лиисы Тенкку 1943–1944] / Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 1511, Tieto, Jyväskylä, 2008. 290 s.*

Как известно, в 1943 г. по соглашению германских и финляндских государственных и военных властей было решено провести полную эвакуацию местного финского населения из оккупированной зоны Ленинградской обл. в Финляндию; считалось, что она будет проходить на добровольных началах¹ и закончится к ноябрю 1943 г. Для этой акции было создано Управление по делам Ингерманландии, в которое входила группа финляндских исполнителей, в том числе и супруги Тенкку. Оба они были военнослужащими: Юсси – военным пастором, Лииса – лоттой, т.е. принадлежала к специальному женскому подразделению финляндских шюцкоровских частей. Они были людьми образованными: Юсси учился на философском отделении Хельсинкского университета, Лииса закончила Академию Сибелиуса как преподаватель музыки. Оба супруга – находясь в разных местах – систематически вели дневники, их записи даны в публикации параллельно, в хронологическом порядке.

Дневники супругов Тенкку интересны для нашего читателя, как представляется, тем, что они – в первую очередь записи Ю. Тенкку – хорошо отражают живучесть в Финляндии идей единства “соплеменников” и Великой Финляндии, – это влияло и на практическую деятельность Юсси. Существенны и некоторые его этнографические заметки. Стоит отметить и его наблюдения, относящиеся к общей ситуации на оккупированных землях, включая и взаимоотношения немецких и финляндских военнослужащих. Разумеется, эти проблемы разработаны в отечественных исследованиях, но здесь важно, что освещаются они людьми, находившимися на стороне воюющих с нами сил – и при этом Тенкку нельзя в этих вопросах отказать в объективности.

В связи с полученными заданиями супруги находились в разных частях оккупированной территории. Лииса имела постоянное место пребывания в Клооге (Эстония), где был конечный пункт сбора эвакуируемых: оттуда их вывозили через порт Палдиски (Балтийск) в Финляндию на судне “Аранда”; оно проделало в итоге 155 рейсов². В обязанности Л. Тенкку входил прием от отбывающих людей денег – как рублей, так и остмарок; по полученным квитанциям им должны были выдавать в Финляндии определенную компенсацию. Работа шла очень напряженно – у Лиисы и ее двух помощниц первоначально не было ни кассового аппарата, ни даже обыкновенных счет. В конце рабочего дня деньги следовало еще пересчитать и запаковать для передачи властям.

Ю. Тенкку и еще два военных пастора направлялись в оккупированные районы с миссионерскими целями: проверить состояние лютеранских церквей, восстановить их деятельность – в частности подготовку и проведение обрядов конфирмации, в случае отсутствия при церкви священнослужителей самим проводить обряды крещения, венчания и освящения могил. Наряду с этим военные пасторы распространяли религиозную литературу и учебники финского языка.

К своей работе Ю. Тенкку приступал с большим энтузиазмом: по его собственным словам, он с детства мечтал об освобождении Ингерманландии от большевиков и присоединении ее к Финляндии. Он был также членом Академического Карельского общества (АКС), где культивировались идеи Великой Финляндии и антирусские настроения. Юсси вел работу не только в оккупированной части Ленинградской обл., он побывал и на Новгородчине, где был расквартирован 664-й батальон, сформированный немцами в основном из финнов-ингерманландцев.

Тенкку приступил к своей работе плохо подготовленным и оснащенным – так, он явно не располагал статистическими данными о расселении местных финнов; у него не было детальной карты местности, он пользовался одной из карт Мустонена (1:300 000), потому многие поселения искал, расспрашивая людей, и ехал почти наугад. В его распоряжении был только велосипед, на котором он преодолевал за день десятки километров. На шоссе дорог он пользовался “хайль-стопом” – голосовал, выбрасывая перед военными машинами руку в фашистском приветствии.

В его дневнике немало этнографических наблюдений: Тенкку встретился с новыми для него формами поселения – многодворными деревнями, непривычными постройками – домами,

---

Наталья Васильевна Шлыгина – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН.

соединенными с хозяйственным двором. Бревенчатые избы были по большей части необшитыми и серыми, обшитые – покрашены в голубой и зеленый цвета, необычные для финляндских строений. В интерьере он отмечает кровати с многочисленными подушками в изголовье, сложенными по размеру “горкой”, и т.д.

Ю. Тенкку быстро понял, что, эвакуируя местных финнов, Финляндия руководствуется не только стремлением спасти “соплеменников” от военных бедствий, но и потребностью в рабочих руках. Немецкие власти стремились вывезти в Германию местное работоспособное население по той же причине. Однако в оккупированной зоне местные немецкие власти старались затормозить эвакуацию: они сами использовали население как рабочую силу, – и в сельском хозяйстве, и для расчистки в зимнее время дорог и взлетных полос, на различных строительных работах, и т.д. Например, комендант г. Нарвы, где был лагерь для сбора эвакуируемых, отправлял их на лесозаготовки. Как выяснил Тенкку, люди умирали там десятками от недоедания и непосильных работ, у многих остались беспризорные дети. Тенкку неоднократно отмечает нечеловеческие условия, в которых содержались люди в лагерях перед отправкой их в Клоогу. Во многих случаях не было даже барачков для укрытия от непогоды; при этом лагеря обносились колючей проволокой, и люди не могли оттуда выйти, часто оказываясь без продовольствия. То же самое Тенкку увидел и в лагере под Клоогой: находившиеся там женщины были одеты в лохмотья – всю хорошую одежду они променяли у местного населения через проволоку на хлеб. Лииса описывает такое же положение эвакуируемых в лагере под Колпанами.

Тенкку неоднократно с возмущением пишет о мародерстве немецких солдат, которые не только отнимали у местного населения продукты и домашнюю живность, но волокли из домов овчины, дубленые кожи, обувь, зеркала; все это отправлялось в Германию. Взаимоотношения местных немецких и финляндских военных стали особенно очевидными для Тенкку во время посещения уже упомянутого 664-го батальона на Новгородчине. Основная часть его состава была набрана из ингерманландской молодежи – некоторым солдатам не было и 16 лет. В батальоне был только один офицер, знавший финский язык, все распоряжения и команды шли на немецком языке, которого новобранцы не знали. Батальон был расквартирован у станции Батеевская (у Тенкку “Батеское”) и его задачей было охранять железнодорожные пути от Новгорода до Сольцов. В ночные дежурства посылали только финнов, немцы смертельно боялись темноты и партизан. Партизаны держали связь с Большой землей – в лесу у них были даже посадочные площадки для самолетов. Местное население снабжало их едой и укрывало от немцев. Как пишет Юсси, немцев жители боялись, а власовцев ненавидели. Дневник Юсси за тот период заканчивается разделом “Отношения немцев и финнов”. Суть его сводится к тому, что немцы считают себя “выше” финнов и не относятся к ним, как к равноправным союзникам.

В дневник Юсси систематически заносил данные о проводимой им работе по восстановлению деятельности лютеранской церкви, при этом он отмечал ряд особенностей местных церквей и поведения прихожан: в некоторых из церковных зданий вообще не было скамеек для паствы, прихожане во время службы неоднократно становились на колени. Тенкку не усматривает в этом влияния православной церкви, вероятно потому, что был с нею мало знаком. Он констатирует также, что, несмотря на антирелигиозную пропаганду большевиков, у местных финнов приверженность церкви была более сильной, чем у населения Финляндии.

Дневники Ю. Тенкку позволяют получить более четкое представление о продовольственном положении в оккупированной зоне: публиковавшиеся до сих пор материалы различных опросов были весьма противоречивыми. Из записей Тенкку становится ясным, что 1941–1942 гг. были голодными на всей оккупированной территории: урожай погиб во время наступления немецких войск, не сумели убрать даже картошку. Считается, что в этот период умерло от голода примерно 6 тысяч финнов. В 1943 г. голод по-прежнему царил в тех частях края, где были скудные почвы и население традиционно жило за счет рыболовства и других промыслов. Так, на Сойкинском п-ове и в 1943 г. пекли хлеб с опилками, да и южнее, в Кикерицах, Юсси угощали хлебом, выпеченным с картофельной шелухой. В восточных приходах дело обстояло иначе, при этом Юсси не раз отмечает, что там были на редкость плодородные почвы. Он побывал в восточных приходах дважды, на праздники – на Пасху и Иванов день – посетил Купаницы, Молосковицы, поселения под Гатчиной. В этих местах в 1943 г. не было никаких продовольственных проблем. Юсси мог только поражаться богатству праздничного стола и умению хозяек вкусно готовить различные блюда.

В восточных приходах Юсси был удивлен также тем, что именно там, рядом с Ленинградом, так хорошо сохранилась “финскость” – как уже упомянуто, он не знал, что здесь (как и севернее,

на Карельском перешейке) плотность финского населения была по области наиболее высокой³. Особенно существенно – с наших позиций – то обстоятельство, что Юсси, прибывший спасать “соплеменников”, пришел к выводу, что местные финны – это не некие “соплеменники”, а самые настоящие финны. Напомним, что отношение в самой Финляндии к ингерманландским финнам, даже в 1990-е годы, когда началась их репатриация, было (во всяком случае на бытовом уровне) отнюдь не как к “равноценным финнам”. Как “соплеменников” Тенкку определил остальное финноязычное население края – воедь и ижору, отметив, что хотя они и хорошо говорят по-фински, но считают себя русскими вследствие принадлежности к православной церкви. Он отметил также, что в Прилужье ижорцы называют себя карелами (karjalaiset), что соответствовало реалиям.

Дневники Л. Тенкку в значительной мере посвящены выполняемой ею в Клооге работе, характеристике ее помощниц и т.д. При этом она не раз побывала в Таллине и отметила, что эстонцы благожелательно относятся к финнам, тогда как к немцам испытывают совсем другие чувства. Она считала это наследием прошлых времен, когда немцы были в Эстонии господами. Заметим, что и ситуация в годы войны вряд ли могла это отношение изменить. Крестьянские дворы были обложены немцами очень высокими нормами обязательных поставок, продавать сельскохозяйственную продукцию не имело смысла, так как покупательная способность ост-марки была крайне низкой. В записях Лиисы встречаются факты, отмечаемые и ее мужем, – о крайне неудовлетворительном содержании эвакуируемых в сборных лагерях, о стремлении немцев не выпускать в Финляндию в составе эвакуируемых работоспособных людей. Она также была наслышана о фактах мародерства среди немецких солдат.

Кроме того, ей рассказали, что в Колпанах был лазарет, организованный в барачном здании, где лежало около 900 больных. Однажды немцы подогнали к нему колонну грузовых машин. Немецкие врачи прошли по лазарету, делая всем подряд смертельные инъекции, а затем трупы вывезли на грузовиках в неизвестном направлении. Но наиболее страшным, как говорили ей местные жители, было то, что немцы вывозили из деревень работоспособную молодежь на работы в Германию.

По состоянию здоровья Лииса была отправлена на родину еще до того, как военно-политическая ситуация в оккупированной зоне Ленинградской обл. стала меняться, а вместе с тем изменились и действия местных немецких властей. С одной стороны, немцы начали возводить линию укреплений под Нарвой, взрывали здесь аэродромы и мосты. С другой, по их приказу все население оккупированной территории должно было покинуть эту зону. Финской стороне необходимо было закончить эвакуацию финнов, а “нефиннам” следовало пешком уходить от Нарвы на юг, на территорию Прибалтийских республик. Пытавшихся остаться расстреливали. Местное население по возможности отсиживалось в лесах, куда немцы не решались заходить. Так, по имевшимся сведениям, под Ямбургом (Кингисепп) пряталось до 10 тысяч местных жителей.

Для Ю. Тенкку наступили трудные времена: он по мере сил пытался спасти от вывоза в Германию тех финнов, которые не попали в число эвакуируемых. Ему удалось найти группу финских подростков, сбежавших из 664-го батальона, а также группу девушек, сумевших уйти из трудового лагеря, – Тенкку направил их в пункты для эвакуируемых. Он добрался даже до Вильянди в Эстонии, где стояли военные части, сформированные немцами на оккупированной ими территории Карелии. Карел тоже удалось отправить в Финляндию.

Заботу о судьбах людей в то время, когда немцы начали отступление, Тенкку проявлял только к финноязычному населению – местное русское население для него просто не существовало. Характерно, что Юсси сделал даже попытку отделить от уходящих в направлении Прибалтийских республик колонн русского населения примыкавших к ним водско-ижорских жителей: он отмечает, что не мог допустить, чтобы “финноязычных” постигла та же судьба, что и русских. Следует сказать, что Тенкку вообще не пользуется этнонимом “русские”: он пишет “большевики” или “рюсся” – финское презрительное наименование русских (в отличие от него, Лииса пишет в своих дневниках “русские”).

На последнем этапе пребывания в Ленинградской обл. заботы Ю. Тенкку были направлены и на то, чтобы надежно разместить оставшуюся у него религиозную и учебную литературу при школах и церквях. Кроме того, он по возможности собрал и вывез в Финляндию ценную церковную утварь. Последние записи сделаны Юсси в январе 1944 г. в Нарве, где он пробыл несколько дней: 17 февраля 1944 г. он заносит первую запись в дневник дома, в Хельсинки.

После окончания войны супруги Тенкку благоразумно уехали в Соединенные Штаты, где Юсси продолжал работать пастором среди американских финнов и учился на философском

факультете Гарвардского университета. Лииса работала преподавателем музыки. В 1950-е годы супруги вернулись в Финляндию. Юсси защитил докторскую диссертацию по философии и занимал в дальнейшем должность профессора в университетах Ювяскюля, Турку и Хельсинки. Лииса продолжала преподавать музыку: последним местом работы профессора Л. Тенкку была Академия Сибелиуса.

В заключение следует добавить, что мемуарным материалам предпослано “Введение”, написанное П. Невалайненом, крупнейшим финляндским специалистом в области пограничных миграций в Финляндии, в том числе и эвакуации финнов-ингерманландцев в 1943–1944 гг. (Nevalainen 1990). Его работы основаны на скрупулезном анализе архивных материалов и хорошо разработанных статистических данных.

Книга хорошо иллюстрирована фотографиями А. Хямяляйнена, которые он сделал на оккупированной территории Ленинградской обл. в 1943 г. – он опубликовал их и ранее в специальных изданиях (Hämäläinen 1944). К сожалению, приложенная карта Ленинградской обл. дана на сером фоне, так что вряд ли читатель может ею воспользоваться.

Примечания

¹ По планам немецких властей эвакуация должна была превратиться просто в выселение местных финнов в Финляндию: на южном побережье Финского залива предполагалось создать особую зону, заселенную благонадежными немцами (Siedlungsmark Ingermanland).

² По подсчетам Невалайнена, на оккупированной немцами территории Ленинградской обл. насчитывалось 66 946 финнов, 3729 ижорцев и 667 вожан. В Финляндию прибыло по эвакуации 63 205 финнов (Nevalainen 1990: 23).

³ По переписи 1897 г. в западных уездах процент финнов был невелик, например, в Лужском у. – 0,8%, в Ямбургском – 19%. В восточной части губернии он был значительно выше – в Царскосельском у. – 37,7%, в Шлиссельбургском – 43,1% и т.п.

Литература

Hämäläinen 1944 – Hämäläinen A. Kadonnutta Inkeri. Helsinki, 1944.

Nevalainen 1990 – Nevalainen P. Inkeriläinen siirtoväki Suomessa 1940-luvulla. Keuru, 1990.

ЭО, 2009 г., № 5

© **К.В. Шевченко**. Рец. на: *P. Lozoviuk. Interethnik im Wissenschaftsprozess. Deutschsprachige Volkskunde in Böhmen und ihre gesellschaftlichen Auswirkungen*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag, 2008. 424 S.*

Одним из ведущих представителей динамично развивающейся в последнее время чешской этнологии является доктор Петр Лозовюк, в сферу научных интересов которого входит проблематика межэтнических отношений, межкультурной коммуникации, а также различные аспекты истории этнографической науки.

Новая фундаментальная монография П. Лозовюка, опубликованная на немецком языке издательством Лейпцигского университета и рассчитанная, прежде всего, на немецкую аудиторию, представляет колоссальный научный и практический интерес как для этнографов, так и для историков, занимающихся межвоенной Чехословакией и проблемами чешско-немецких отношений в данный период времени. Это первое фундаментальное монографическое исследование немецкоязычной этнографии Чехии, охватывающее период с зарождения этнографического интереса до угасания немецкоязычной этнографической традиции в Чехии; при этом основное внимание уделено межвоенному периоду.

Кирилл Владимирович Шевченко – кандидат исторических наук, преподаватель Центра Российского образования в Праге, Чехия.